

Протоиерей А. Ф. Паничкин

АЛЕКСАНДРО-НЕВСКАЯ СЕМИНАРИЯ В XVIII ВЕКЕ: УЧАЩИЕСЯ И ИЗУЧАЕМЫЕ НАУКИ

Статья раскрывает малоизвестные страницы истории духовного образования в России. На примере созданной по приказу Петра I в новой столице страны Санкт-Петербурге Александро-Невской духовной семинарии до ее преобразования в Главную семинарию (1721–1788 гг.) показана жизнь духовных учебных заведений в указанный период. Материалы статьи знакомят читателей с накопленными автором в ходе изучения данного отрезка истории Санкт-Петербургской епархии сведениями о различных аспектах формирования новой столичной духовной школы: рассматриваются причины создания Александро-Невской духовной семинарии, показываются процесс ее становления, проблемы, возникавшие при создании семинарии и в процессе ее функционирования, соответствующий духу времени подход к решению одной из них — недобору учащихся. На основе архивных данных Санкт-Петербургской епархии представлены данные о социальном составе и количестве учащихся. По данным документов Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга и ряда монографий приводятся сведения о применявшихся в указанный период методах обучения и воспитания учащихся, в частности — о распорядке учебных занятий, изучавшихся предметах, использовавшихся учебных пособиях, о способах развития способностей учеников и наказания за провинности, приводится подробное описание классов, составлявших курс обучения, производится сравнение программы обучения Невской семинарии с другими духовными школами того времени, рассказывается об особенностях методики столичной духовной школы. По ходу изложения материала анализируются недостатки и положительные стороны существовавшей системы. Статья обобщает сведения ряда впервые вводимых в научный оборот архивных документов, а также ранее изданных архивных материалов Святейшего Правительствующего Синода Русской Православной Церкви и документов из собрания постановлений и распоряжений по Ведомству православного исповедания за указанный период.

Ключевые слова: *Александро-Невская лавра, Санкт-Петербургская духовная семинария, Санкт-Петербургская духовная академия, Александро-Невская семинария, духовное образование в России.*

В последнее время проблема духовного образования в России в Синодальный период привлекает большое внимание специалистов. При этом речь идет в основном о положении, сложившемся в XIX — начале XX в. Это понятно, поскольку в это время система духовных школ была уже вполне развитой, а отношение духовенства к образованию претерпело существенные изменения. Гораздо менее изучена ситуация с духовным образованием в XVIII в.: выявлены законодательные источники по данной теме, исследуются изменения в уровне образования духовенства в этот период в отдельных регионах России. В то же время жизнь собственно духовной школы исследована еще недостаточно.

К практически неисследованным страницам истории духовного образования в России XVIII в. относится и период становления Александро-Невской семинарии в Санкт-Петербурге. Между тем, столичная семинария находилась под пристальным вниманием как духовных, так и светских властей, сюда направлялись лучшие преподавательские силы, а ее выпускники играли значимую роль в жизни Церкви и государства. Столичный статус выделял Александро-Невскую семинарию из числа духовных школ, тем не менее, учебный процесс в ней строился на тех же основаниях, что и в провинциальных школах, а присущие ей недостатки должны были еще сильнее проявляться в отдаленных от центра учебных заведениях. В этом отношении положение в Александро-Невской семинарии в XVIII в. может считаться показательным для всей системы духовного образования того времени.

На протяжении почти всего XVIII века Александро-Невская семинария была единственным духовным учебным заведением Санкт-Петербургской епархии. Возникновением своим она обязана Петру I. Петр создавал школу определенно светского характера. У него была мысль использовать лучших из выпускников для светской службы. Но государству нужны были и образованные священнослужители, компетентные в целом ряде чисто церковных вопросов, которые были бы в состоянии противоборствовать занимавшим определенную противоправительственную позицию начитанным в Книгах Священного Писания и святоотеческих творениях поборникам старины и старообрядческим расколуучителям. Поэтому назрела потребность в создании профессиональной духовной школы для подготовки кадров приходского духовенства.

При учреждении Священного Синода, согласно Духовному Регламенту, существовавшие до этого момента по указу Петра I всесословные начальные «цифирные» школы были отменены, и вместо этого предписывалось: «Вельми ко исправлению Церкви полезно есть сие, чтоб всяк епископ имел в доме или при доме своем школу для детей священских и прочих в надежду священства определенных»¹. Содержание этих школ возлагалось целиком на архиерейский дом.

В Санкт-Петербурге, где в то время не было ни архиерея, ни архиерейского дома, такая школа была создана при Александро-Невском монастыре специальным указом Новгородского архиепископа Феодосия (Яновского)². Для столицы требовалось образованное духовенство. Поэтому организованная при Александро-Невском монастыре школа с начальным курсом обучения удовлетворительной считаться не могла. В 1721 г. был поставлен вопрос об открытии в Петербурге духовной академии с семинарией, но недостаток средств и внезапная смерть Петра I помешали учреждению академии. Пришлось довольствоваться лишь преобразованием элементарной Невской школы в учебное заведение более высокого уровня³.

Но это преобразование, которое автор истории Санкт-Петербургской духовной академии проф. И. А. Чистович связывает с переименованием Невской Славянской школы в Славяно-греко-латинскую семинарию в 1725 г., фактически происходило постепенно в течение двух десятилетий, на протяжении которых процесс обучения то улучшался, то ухудшался, пока, наконец, к началу 40-х годов не произошел действительно решающий перелом к лучшему и школа действительно не приобрела облик среднего духовного учебного заведения с полным курсом обучения⁴. В 1725 г. вслед за переименованием школы введено было по

¹ Духовный Регламент. СПб., 1776. § 9. С. 21.

² Рункевич С. Г. Александро-Невская Лавра (1713–1913). СПб., 1913. С. 241.

³ Академию предполагалось назвать Петергартен. Учителей предполагалось пригласить из-за границы. Одним из инициаторов открытия академии был Феофан (Прокопович). См.: Знаменский П. В. Духовные школы в России до реформы 1808 г. Казань, 1881. С. 94–95.

⁴ Проф. Чистович характеризует второй период от переименования в славяно-греко-латинскую до преобразования ее по образцу главных народных училищ и переименования в Главную семинарию (1725–1788) так: «Семинария приобретает характер специального учреждения, назначенного для образования священнослужительских детей

инициативе Александро-Невского архимандрита Петра (Смелича) преподавание греческого и латинского языка, для чего был приглашен грек Афанасий Сяда.

Количество учащихся в рассматриваемый период времени было довольно стабильным и колебалось от 60 до 80 человек, как видно из приведенной ниже таблицы⁵.

Таблица 1

Год	Всего	Богословие	Философия	Риторика	Питтика	Грамматика	Фара
1744	74	10	6	19	18	21	-
1758	82	<i>Нет сведений</i>					
1762	73	7	8	13	12	14	20
1764	64	<i>Нет сведений</i>					

По социальному происхождению учащиеся относились либо к духовному сословию, либо были детьми монастырских служителей.

В 1740 г. из 85 учащихся было детей:

- 1) священнических — 40;
- 2) диаконских — 6;
- 3) причетнических — 10;
- 4) чиновничьих — 2;
- 5) монастырских служителей — 23.⁶

Следует отметить, что дети монастырских служителей в большинстве случаев, по причинам материального характера, не оканчивали семинарии, а выходили из низших классов и определялись в писцы и приказчики.

Дети духовенства в это время не особенно стремились поступать в духовную школу, так как в среде духовенства жила традиция давать сво-

к церковным степеням; круг наук и внешний состав семинарии постепенно увеличивался, но средства остаются по прежнему скудными» (Чистович И. А. История Санкт-Петербургской духовной академии. СПб., 1857. С. 5–6).

⁵ Там же. С. 44–45.

⁶ Рункевич С. Г. Александро-Невская Лавра (1713–1913). С. 509.

им детям домашнее, самое элементарное образование и определять их на место пономаря или дьячка. Впоследствии они продвигались и занимали священнослужительские места. Правительство со времен Петра I со знавало, что этот порядок способствовал лишь укоренению невежества в духовном звании, и поэтому принимало весьма крутые насильственные меры к тому, чтобы священнослужители обучали своих детей в школе.

С 1736 г. не обучавшиеся в школах дети духовенства подлежали разбору в солдаты. В 1737 г. соответствующими указами был определен возраст подлежащих разбору детей духовенства — с 15 до 40 лет. Разборы продолжались и при Елизавете в 1743 г., и в дальнейшем.⁷ Таковых запрещалось посвящать в священнослужители даже после их выхода в отставку.⁸ Также запрещалось посвящать лиц, не обучавшихся в школах, во священники и в диаконы. «А которые в тех школах учиться не похотят, и их в попы и в диаконы, на отцовые места, и никуда не посвящать, и в подъячие и во иные никакие чины, кроме служилого чина принимать не велено»⁹.

По малокультурности и по недоверию к новым правительственным мероприятиям духовенство принимало все меры к тому, чтобы освободить своих детей от школьного обучения. В Санкт-Петербургской епархии архиереям также пришлось принять целый ряд мер, чтобы привлечь детей духовенства в школу. 10 сентября 1745 г. преосвященный Феодосий послал через Консисторию указ¹⁰, чтобы духовенство отсылало всех детей с 7-летнего возраста в семинарию под страхом штрафа. Этот указ подтверждался еще 2 раза: 30 сентября 1745 г. и 28 августа 1748 г., в связи с тем, что семинарию не удавалось укомплектовать учащимися. Но это объяснялось не укрывательством детей духовенства, а малочисленностью духовенства в епархии.

⁷ О составлении ведомостей о числе церквей, священно- и церковнослужителей, их детей, в том числе и взятых в военную службу по разбору 1769 г. // Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 19. Оп. 1. Д. 9259. Л. 142. 30.09.1774.

⁸ О запрещении производить в священнослужители отставных военных, взятых в армию по разбору. Там же. Д. 8974. Л. 10–12. 03.01.1774.

⁹ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собрание первое. Т. 4. СПб., 1830. № 2186. С. 401. Указ № 3 от 15 мая 1708 г.

¹⁰ Полное собрание постановлений и распоряжений по Ведомству православного исповедания. 1744–1745. Т. 2. СПб., 1907. С. 11.

В 1774 г. вновь появилось аналогичное распоряжение: «По указу Ея Императорскаго Величества Санкт-Петербургская духовная консистория приказали во все подчиненные консистории духовные правления послать указы и велеть, дабы священнослужители своих детей в начале сентября месяца сего 774 года прямо в семинарию представили от семи лет до пятнадцати»¹¹.

Вследствие указанных мер процент детей духовенства в семинарии все время рос. Семинария становилась специализированной словенной духовной школой.

В единичных случаях посылались в семинарию еще и обратившиеся к православию иноверцы. Это были посланный в 1748 г. с Курильских островов японец Фома Лебедев¹², присланные из Тайной канцелярии 2 калмыка и сын пана Гавриила Котельницкого Григорий, принятый в семинарию по просьбе отца, опасавшегося, чтобы его сына не совратили униаты¹³.

Многие из учеников сидели в классе по несколько лет (диакон Вознесенской церкви Федор Румовский учился в семинарии 12 лет; диакон Предтеченской Ямской церкви Артофилактов — 15 лет; диакон Спасо-Семеновской церкви Федоров — 17 лет). Поэтому наряду с детьми встречались учащиеся 25–30 лет. Обычный возраст для выпускников был 21–26 лет.

Указ о непосвящении лиц, не достигших тридцатилетнего возраста, в священники и 25 лет — во диаконы ставил выпускников почти в безвыходное положение. Это не способствовало стремлению поскорее окончить курс семинарии.

Наблюдались единичные случаи совмещения учения со служением на приходах на низших степенях клира. Указом Консистории было разрешено в 1745 г. Ивану Тамарницкому, обучаясь в семинарии, быть дьячком Большеохтинской церкви, причем ему предоставлялся при отпращивании должности целый ряд льгот. Он освобождался от исполнения пономарской должности и получал диаконский доход¹⁴.

¹¹ О наборе детей священно- и церковнослужителей от 9 до 15 лет для обучения в семинарии и о присылке детей старше 15 лет для проверки грамотности // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 1. Д. 9253. 29.09.1774.

¹² Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. Т. 28. Пг., 1916. С. 288–289.

¹³ Чистович И. А. История Санкт-Петербургской духовной академии. С. 45–46.

¹⁴ Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии. Вып. 7. СПб, 1883. С. 207.

Процент отсева учащихся за время обучения был очень велик¹⁵. Только половина учащихся от поступивших на первый курс, а то и меньше, доходила до курсов философии и богословия. В основном это было связано с плохой материальной обеспеченностью духовенства, а также трудностью обучения по тогдашнему методу. Велик был и соблазн выйдя из низших классов получить причетническое место.

С момента образования самостоятельной Петербургской епархии, очень близко совпавшего с приглашением на учительскую службу киевских питомцев Григория Кременецкого и Андрея Зертис-Каменского, начинается преобразование Невской семинарии в учебное заведение по типу Киевской коллегии. Невская семинария, подобно другим российским семинариям, становится точной копией Киевской коллегии¹⁶.

Основным языком, на котором производилось обучение по всем предметам, был латинский. Обучение было построено по схоластическому принципу. Не только методика обучения, но даже самые учебники заимствовались из польских школ, отчего в самое дело обучения вкрадывались тенденции католического, порой иезуитского характера. Зубрежка на чужом, мертвом латинском языке убивала в учащихся всякий интерес к занятиям. Но, несмотря на все свое несовершенство, эта «киевская» методика вносила в дело преподавания известную систематичность и на тот момент была единственной возможностью пересадить на русскую почву обучение богословским наукам. При заимствовании систем духовного образования с Украины и Польши заимствовалась не католическая идеология, а форма обучения и воспитания. Согласно «киевским» традициям, Невская семинария, кроме приготовительного, называвшегося еще информаторией, словесно-российского класса, в котором ученики обучались русской грамоте и письму, Символу веры, главным молитвам, заповедям блаженства, катехизису и сокращенному курсу Священной истории, состояла из 8 специализированных латинских классов, имевших особые наименования.

1. Фара или аналогия, в которой учили читать и писать по-латыни. Употребляемый в этом классе учебник носил название «Элементария».

¹⁵ Об исключении из Александро-Невской семинарии восьми неспособных учеников // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 1. Д. 8859. Л. 1–4. 16.07.1773; Об определении неуспевающих учеников Александро-Невской духовной академии // Там же. Оп. 2. Д. 4693. Л. 1–3. 20.10.1800.

¹⁶ Знаменский П. В. Духовные школы в России до реформы 1808 г. С. 436.

2. **Инфима**, в которой учащиеся приступали к изучению латинской грамматики. В качестве учебника использовалась напечатанная для польских школ грамматика Эммануила Альвара. Она состояла из 3-х толстых томов, была написана чрезвычайно трудным для понимания языком и рассчитана на изучение ее путем зубрежки. Ученики инфимы за период обучения в этом классе должны были изучить морфологические, этимологические правила и приучались к грамматическим экзерцициям (переводам).

3. **Грамматика**, где семинаристы продолжали изучать этимологию и переходили к главным синтаксическим правилам. В этом классе учащиеся занимались разговорными упражнениями на латинском языке, а также и переводами, для которых пользовались латинским лексиконом Кнапия, тоже заимствованным из польских школ.

4. **Синтаксима**, в которой учащиеся заканчивали прохождение полного курса латинской грамматики в той мере, чтобы «ничего неразумного в Альваре не оставалось, даже редкого употребления регул». Очень много времени в синтаксиме уделялось переводам с латинского языка на русский и с русского на латинский. Эти переводы производились в виде классных (экзерциций) и домашних (окупуций) работ. Продолжались и упражнения в разговорах на латинском языке. Синтаксимой заканчивался ряд низших школ. Обучившись латыни, ученики переходили к изучению высших наук.

5. **Пиитика**, где учащиеся обучались правилам стихосложения и изучали произведения латинских и западно-русских поэтов. Ученики упражнялись в «плетении виршей, в которых слова искусственно подгонялись под определенный размер и рифму. Если ученик не находил нужного для рифмы слова, то ему советовали обращаться к словарю Кнапия. Единственным практическим результатом от изучения пиитики были навыки в составлении поздравительных стихов для высокопоставленных лиц.

6. **Риторика**, в которой воспитанники обучались составлению ораторских произведений на разные случаи по готовым образцам. К ритору предъявлялись требования, пользуясь заученными шаблонами, находившимися в руководствах, составленных педагогами киевской школы и носивших наименование «сокровищниц», а также соответствующими каждому случаю примерами из древней истории и мифологии, слагать хрии и проповеди. Неудивительно, что такие, произносимые по гото-

вым школьным «рецептам», проповеди были высокопарными, малопонятными, совершенно не назидательными и представляли из себя своего рода словесную игру.

7. **Класс философии**, рассчитанный на 2 года обучения.

Курс философии делился на 5 отделов:

7.1. Диалектику или логику;

7.2. Физику, в разделе которой сообщались некоторые сведения о природе и естественных явлениях;

7.3. Психологию;

7.4. Метафизику, в которой миру физическому противопоставлялся мир духовный, т.е. метафизика была введением в богословие и

7.5. Ифику, которая учила о свободной воле человека и оценке человеческих поступков, она готовила слушателя к изучению нравственного богословия.

В основу всего преподаваемого курса были положены начала Аристотеля. С 50-х годов XVIII века в школьную философию стали проникать в качестве авторитетов Бэкон, Лейбниц, Декарт и Вольф.

8. **Класс богословия** (выпускной) также рассчитывался на 2 года, но фактически некоторые учащиеся просиживали в нем и более, до определения на место. За основу принималась богословская система Фомы Аквината, известная своею чрезвычайной дробностью, изысканностью делений, сухостью силлогических форм и незначительностью вопросов. Позднее стали переходить к изложению богословия по системе архиепископа Феофана (Прокоповича). По свидетельству современника Рубана в богословском классе в 1745 г. преподавались богословие догматическое, нравственное сравнительное или обличительное и истолковательное (библейская герменевтика)¹⁷. Философия и богословие также преподавались на латинском языке.

В Невской семинарии были еще некоторые своеобразные приемы проверки знаний учащихся, которые одновременно приучали воспитанников к самостоятельным выступлениям перед коллективом, «чтобы застенчивость не овладела сердцами юношей и чтобы яснее можно было видеть успехи»¹⁸.

¹⁷ Богданов А. И. Историческое, географическое и топографическое описание Санкт-Петербурга от начала заведения его. СПб., 1779. С. 359–365.

¹⁸ Чистович И. А. История Санкт-Петербургской духовной академии. С. 24.

Каждую субботу в 7 часов вечера ученики всех классов (кроме богословов) собирались в семинарской зале. Здесь же присутствовали ректор, префект и учителя. Философы и риторы читали с кафедры речи на латинском и русском языках, пииты произносили наизусть стихотворения, ученики синтаксизмы и грамматики выступали с заученными ранее диалогами на иностранных языках (латинском, греческом, французском, немецком), а ученики информатории читали наизусть отрывки из катехизиса и Священной истории. Ректор при этом просматривал классные журналы и письменные упражнения учащихся. После этого производилась оценка знаний, «причем каждому особая отдается похвала или противное тому»¹⁹.

По окончании курса обучения в каждом классе производились «апробации», после которых некоторые ученики, оказавшиеся негодными «за неспособностью их по апробации в учении, и за тупостью своего ума», увольнялись из семинарии²⁰.

Ученики богословского класса допускались к сказыванию проповедей в монастырской церкви. Кроме того, в Невской семинарии ежемесячно происходили диспуты по классу философии, что неплохо приучало учащихся к самостоятельному мышлению и публичным выступлениям, так как диспут сводился к взаимным возражениям двух лиц — дефендента²¹ и оппонента. Императрица Елизавета относилась к этим семинарским диспутам с большим интересом, часто присутствовала при них и дала указание Синоду, чтобы «как будут в Александро-Невской семинарии диспуты, без высочайшего Ея Императорского Величества присутствия не править»²². Темы, или как они тогда назывались «конклюзии», диспутов, обнимавшие все разделы проходимого курса (общую философию, логику, ифику, физику и метафизику), по просьбе ректора иеромонаха Гавриила после соответствующих сношений через Синод были напечатаны в типографии Академии наук²³.

¹⁹ Чистович И. А. История Санкт-Петербургской духовной академии. С. 24.

²⁰ Архангельский М., свящ. Преосвященный Никодим, первый епископ Санкт-Петербургский и Шлиссельбургский. Продолжение // Странник. 1876. Т. 2. С. 90.

²¹ Схоластический термин, обозначающий того, кто во время диспута отстаивает оспариваемую истину от оппонентов.

²² Рункевич С. Г. Александро-Невская лавра (1713–1913). С. 751; Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. Т. 23. СПб., 1911. С. 395.

²³ Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующе-

Из всего сказанного выше видно, что учебно-педагогическая работа в Невской семинарии в середине XVIII в. была поставлена неплохо и стояла на гораздо более высоком уровне, чем в провинциальных семинариях.

Воспитательная работа была возложена на префекта семинарии. Для оказания ему помощи из педагогического коллектива выделялся специальный «наблюдатель благочиния и порядков», каким был одно время учитель латинского языка Афиноген Рыковский²⁴. За основу методики воспитания был взят существовавший в то время ошибочный подход, заключающийся в том, что на ребенка смотрели как на взрослого. Каждый поступок ученика, не вмещавшийся в рамки дозволенного, рассматривался как преступление, влекущее за собой обязательное наказание. Соответственно этому семинарист имел над собой целый ряд «командиров», начиная от принадлежащих к числу учащихся аудиторов и классного и комнатного синьоров, кончая учителем, префектом и ректором. Это воспитывало в учащихся послушание и беспрекословное исполнение приказов вышестоящего начальства, что соответствовало целям и намерениям правительства, желавшего видеть в церковных лицах лишь одетых в рясы чиновников. Достижению таковых целей служила система наказаний общая для всех духовных школ. В качестве наказания применялись следующие меры:

- 1) стояние у дверей класса во время урока;
- 2) лишение обеда или перевод на худшую, служительскую пищу;
- 3) уменьшение или лишение выдачи одежды;
- 4) перевод в низший класс;
- 5) лишение места, на которое ученик предназначался по окончании курса обучения;
- 6) телесные наказания, которым учеников подвергать имели право лишь ректор и префект (так, ученик богословия Аггей Чирухин в 1747 г. за пьянство, кражу вина из монастырских погребов и прочие неупотребства был бит плетью и отослан в Консисторию для определения на службу²⁵);
- 7) увольнение из семинарии производилось также по определению ректора, как за неспособностью к учению, так и за проступки. Уволен-

го Синода. Т. 23. СПб., 1911. С. 395.

²⁴ *Архангельский М., свящ.* Пресвященный Никодим, первый епископ Санкт-Петербургский и Шлиссельбургский. С. 89.

²⁵ Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. Т. 32. Пг., 1915. С. 546–553.

ные за «тупость» и сравнительно незначительные проступки ученики определялись в причетники или же в писцы в монастырскую канцелярию (упомянутый выше Чирухин был, по исключению из семинарии, определен писцом в монастырскую канцелярию²⁶). Исключенные же за важные нарушения отдавались в солдаты.

Учащимся Невской семинарии прививался дух церковности. В этом отношении можно отметить ряд положительных моментов. Не только в воскресные и праздничные дни, но и во вторник, четверг и субботу ученики ходили к литургии²⁷. Собственной церкви при семинарии не было, и семинаристы молились совместно с братией в монастырском храме. Учащиеся сами принимали участие в богослужении в качестве певчих архиерейского хора, иподиаконов, посошников и других прислужников при архиерейском служении.

Желая оставить семинаристов, предназначенных для отсылки в университет, при Академии наук, преосвященный Феодосий указывает на ту пользу, которую они приносят сейчас Церкви: «К тому же и в архиерейском, как соборном в высокаторжественные и другие дни, так и в приватном в священнослужении, крайняя будет остановка, ибо семинаристы и певческую, и поддиаческую должность исправляют»²⁸.

Эти обязанности они исполняли не только в монастырских, но и в соборных городских храмах, что давало возможность учащимся знакомиться с жизнью своей будущей паствы.

Некоторые из учеников старших классов еще на школьной скамье были посвящены в стихарь. Это видно из синодского предписания выбрать для отправки в университет 10 человек семинаристов «точно из таких, кои в стихарь не посвящены, ибо из посвященных уже на степень церковную с призыванием Духа Святого от Церкви Святой отрешать и в помянутый университет, яко к светскому делу, отдавать не подобает»²⁹.

В воскресные и праздничные дни семинаристы всех классов собирались перед литургией в зале. Здесь ректор и префект изъясняли им ка-

²⁶ Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. Т. 32. С. 550.

²⁷ Чистович И. А. История Санкт-Петербургской духовной академии. С. 23.

²⁸ Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. Т. 28. Пг., 1916. С. 58–61.

²⁹ Там же.

техизис и Евангельские чтения. В церкви проповеди говорили не только ректор и префект, но еще учителя и ученики богословского класса³⁰.

Невская семинария по сравнению с другими, провинциальными семинариями, в большинстве которых курс кончался риторикой, представляла из себя счастливое исключение. Здесь первый философский курс закончился в 1743 г., и в том же году открылся богословский класс. Кроме того, в большинстве провинциальных семинарий учащиеся получали знание лишь одного древнего языка — латинского. В Петербургской же семинарии изучались еще и другие древние языки — греческий и еврейский. Греческий язык преподавался еще в Троицкой семинарии, Харьковском коллегииуме, в Новгороде и в Твери, еврейский преподавался лишь в Невской, Троицкой и Новгородской семинариях. Первым преподавателем этих языков был иеромонах Гавриил (Кременецкий). Учащиеся Невской семинарии получали по греческому языку столь основательные познания, что один из воспитанников ее (Пельский) в 1745 г. занял место учителя греческого языка в Троицкой семинарии. С 60-х годов XVIII века в Невской семинарии стало вводиться преподавание новых языков. Рубан свидетельствует, что в Невской семинарии преподавались немецкий и французский языки. Преподавание общеобразовательных предметов также велось здесь на более высоком уровне по сравнению с другими семинариями. Арифметику изучали в ней с самого ее основания. Кроме Невской семинарии, она преподавалась только в Смоленской и Казанской семинариях. Впоследствии же цикл математических наук был пополнен геометрией. Раньше всех других семинарий в ней было введено преподавание истории и географии. Три раза в неделю (во вторник, в четверг и в субботу) ученики всех классов занимались нотным пением.

Перед окончившими полный курс семинарии раскрывались широкие перспективы проявить себя на различных поприщах служения Церкви и Отечеству. Какие пути могли избрать выпускники?

1. Постригшись в монашество, идти сначала по духовно-учебной службе с перспективой занятия впоследствии высших административных постов. Случаи пострижения учащихся в монашество были нередки. Так, в 1748 г. по именному указу были пострижены в монашество 6 богословов Невской семинарии — сыновья:

³⁰ Чистович И. А. История Санкт-Петербургской духовной академии. С. 23, 26.

1.1. Протопопа соборной церкви Шлиссельбурга Никита Пученков, в монашестве Никодим.

1.2. Священника церкви Благовещения в Царском Селе Семен Страгородский, в рясофоре Сергей, в мантии Сильвестр.

1.3. Священника Богоявленской церкви в Кронштадте Петр Приморский, в монашестве Порфирий.

1.4. Дьячка Никольской церкви в Копорском уезде Ефим Ильменев, в монашестве Епифаний.

1.5. Дякона Климентовской московской церкви Иван Московский, в монашестве Иларион.

1.6. Монастырского дворника Герасим Сазонов, в монашестве Галактион.

Двое из них были впоследствии здесь же ректорами: Сильвестр (Страгородский) и Никодим (Пученков).

2. Вступив в брак, служить в качестве священников при городских соборных и приходских церквях, а также придворных храмах. Так, воспитанниками Невской семинарии были духовник Екатерины II протоиерей Иоанн Панфилов, выпуска 1753 г. (первый митрофорный протоиерей); его преемник Савва Исаев, выпуска 1753 г.; протоиерей придворной церкви Василий Дашков и Михаил Самойлов и духовник Александра I протоиерей Сергей Краснопевков, выпуска 1765 г.

Они могли и служить за границей при русских миссиях: настоятель стокгольмской церкви священник Александр Львов, выпуска 1748 г.; священник берлинской церкви Трифон Кедрин и священник дрезденской церкви Николай Музовский. На почетные должности в заграничных церквях назначались воспитанники средних классов. Дьячками были: в Стокгольме — Галактион Новиков из риторики, в Лондоне — Михаил Черенковский, Лука Иванов и Михаил Пермский из философии.

3. Оставаясь в светском звании, идти на духовно-педагогическую службу в свою или другие семинарии.

4. Поступать в гражданскую службу. Это не только не возбранялось, но и поощрялось светским правительством, требовавшим на светскую службу учащихся старших классов приказным порядком. Так, по специальному указу от 24 июля 1747 г. повелено было набрать в распоряжение президента Академии наук 30 семинаристов, знающих латинский язык³¹. При

³¹ Полное собрание постановлений и распоряжений по Ведомству православного ис-

разверстке на Невскую семинарию определено было выставить 10 человек, и лишь благодаря ходатайству архиепископа Феодосия, доказавшего полную невозможность для семинарии выделить такое количество учеников без значительного ущерба для епархии, эта норма была сокращена до 5 человек³². Из этих командированных в Академию наук семинаристов вышли впоследствии известный ученый, вице-президент Академии наук, профессор физики, математики и астрономии Степан Яковлевич Румовский († 1812), а также переводчик, историк и поэт (известный своими скандально-неприличными сочинениями) Иван Барков († 1768).

В 1768 г. Коллегией иностранных дел затребовано было несколько человек семинаристов для обучения их китайскому и монгольскому языкам для дальнейшего использования их в качестве переводчиков³³. В 1765 г. по предложению обер-прокурора Синода 2 воспитанника семинарии были отправлены для дальнейшего обучения «в пользу государства» в иностранные университеты (Мартын Клевецкий в Лейден и Семен Матвиевский в Оксфорд³⁴).

Кроме этого, выпускники семинарии могли устраиваться канцелярскими служащими в наместнические правления³⁵.

Таким образом, Невская семинария в самый начальный период своего существования, только успев сложиться как среднее учебное заведение, не только дала целый ряд иерархов и образованных пастырей для Церкви, но и внесла определенный вклад в отечественную науку. А впоследствии, направляя воспитанников в Комиссию по созданию народных училищ, также способствовала развитию народного просвещения³⁶ и послужила для блага государства.

поведания. 1746–1752. Т. 3. СПб., 1912. С. 132–133.

³² Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. Т. 28. Пг., 1916. С. 58–61.

³³ Об определении студента Александро-Невской семинарии Александра Соколова в Коллегию иностранных дел для обучения китайскому и маньчжурскому языку // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 1. Д. 10270. Л. 1–5. 29.03.1778.

³⁴ Чистович И. А. История Санкт-Петербургской духовной академии. С. 62–63.

³⁵ О получении консисторией указа об определении детей церковнослужителей и семинаристов младших классов канцелярскими служащими в наместнические правления // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 1. Д. 10493. Л. 1–19. 04.03.1779.

³⁶ Об отборе и направлении семинаристов философии и риторики Петербургской и Псковской Семинарий для определения в Комиссию по созданию народных училищ //

Протоиерей А. Ф. Паничкин

Из этого следует заключить, что воспитание учащихся Невской семинарии, хотя и не лишенное характерных для того времени ошибок, все же шло правильным путем. Ученикам прививался дух церковности, и они усваивали его. Это видно и из того, что семинаристы нередко принимали монашество, а из семинарии вышел целый ряд полезных деятелей на ниве Христовой.

Источники и литература

1. *Архангельский М. свящ.* Преосвященный Никодим, первый епископ Санкт-Петербургский и Шлиссельбургский // Странник. 1876 . Т. 2.
2. *Богданов А. И.* Историческое, географическое и топографическое описание Санкт-Петербурга от начала заведения его. СПб., 1779.
3. Духовный регламент. СПб., 1776.
4. *Знаменский П. В., проф.* Духовные школы в России до реформы 1808 г. Казань, 1881
5. Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии. Вып. 7. СПб, 1883.
6. Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. Т. 23. СПб., 1911.
7. Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. Т. 28. Пг., 1916.
8. Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. Т. 32. Пг., 1915.
9. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. 4. СПб., 1830.
10. Полное собрание постановлений и распоряжений по Ведомству православного исповедания. Т. 2: 1744–1745. СПб., 1907.
11. Полное собрание постановлений и распоряжений по Ведомству православного исповедания. Т. 3: 1746–1752. СПб., 1912.
12. *Рункевич С. Г.* Александро-Невская Лавра (1713–1913). СПб., 1913.
13. *Чистович И. А.* История Санкт-Петербургской духовной академии. СПб., 1857.
14. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 19. Оп. 1.
15. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 2.